

011

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА Н. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ

XXIV

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАУАРА ДРАЦА

1854

ДЕЛЬВИГЪ.

(ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ СОЧИНЕНІЯ НЕМЕДИНСКАГО-МЕЛЕЦКАГО И ДЕЛЬВИГА. ИЗДАНИЕ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.)

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ (*).

V.

Дружба Дельвига съ Пушкинымъ: ихъ неизданная переписка, вліяніе другъ на друга и степень взаимной довѣренности. — Женитьба Дельвига. — Литературныя собранія въ его домѣ. — Альманахи: «Съверные Цвѣты» и «Подсѣжники». — Изданіе стихотвореній Дельвига. — Журнальныя выходки противъ поэта. — Его участіе въ чужихъ альманахахъ. — «Литературная Газета.» — Причины ея основанія. — Возбужденная ею полемика. — Литературныя слетни. — Смерть Дельвига и произведенное ею впечатлѣніе.

Двухлѣтнее уединеніе Пушкина въ Михайловскомъ (1824—1826 г.), незабвенное уединеніе, которому русская литература обязана своими лучшими произведеніями, не разъ было оживляемо пріѣздомъ людей близкихъ поэту, и въ томъ числѣ Дельвига. Прежде всего Пушкинъ былъ обрадованъ пріѣздомъ своего лицейскаго товарища И. И. Пущина. Послѣ него посѣтили поэта князь А. М. Горчаковъ (нынѣ чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Виртембергскомъ дворѣ), и Дельви́гъ. Послѣдній ѣздилъ въ Михайловское весною 1825 года, и провелъ тамъ нѣ-

(*) Первые двѣ статьи напечатаны въ февральской и майской книжкахъ «Современника» 1853 года, а третья въ январьской книжкѣ пятилѣтняго года.

сколько дней, оставившихъ въ сердцѣ Пушкина самое отрадное воспоминаніе (1). Великій поэтъ, неожиданно переселившись въ новое уединеніе, готовился издать собраніе своихъ «Стихотвореній», которое и явилось въ 1826 году. Въ этихъ приготовленіяхъ, не прерывавшихъ и другихъ многочисленныхъ занятій поэта, засталъ его Дельвигъ. По свидѣтельству знавшихъ того и другого, Пушкинъ совѣтовался въ настоящемъ случаѣ съ Дельвигомъ, дорожа его мнѣніемъ и вполне довѣряя его вкусу. Въ этихъ литературныхъ бесѣдахъ, чтеніяхъ и спорахъ проходило почти все утро. Послѣ нѣсколькихъ партій на бильярдъ и поздняго обѣда друзья отправлялись въ сосѣднее село Тригорское, принадлежащее П. А. Осиповой, и проводили вечеръ въ ея умномъ и любезномъ семействѣ. Многія черты этой деревенской жизни перенесены Пушкинымъ въ IV главу «Евгенія Онѣгина» (строфы XXXVII — LI). Онѣгинъ и Ленскій, съ ихъ дружескими спорами, шумными обѣдами вдвоемъ и поѣздками къ сосѣдкамъ, невольно напоминаютъ нашихъ поэтовъ, и сходство это тѣмъ замѣтнѣе, что Дельвигъ, какъ и Ленскій, былъ уже тогда женихомъ. Онъ самъ упоминаетъ объ этомъ въ стихотвореніи, написанномъ тогда же въ альбомъ одной изъ дочерей П. А. Осиповой, Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ, напечатанномъ (подъ заглавіемъ «Въ альбомъ А. Н. В—фъ») въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 годъ (стр. 329) и перепечатанномъ въ обоихъ изданіяхъ его стихотвореній (въ первомъ на стр. 27, а во второмъ на стр. 17).

(1) Л. С. Пушкинъ въ своемъ *Биографическомъ извѣстіи* объ А. С. Пушкинѣ (Москвитянинъ 1853 года, № 10, отд. I) говоритъ: «Тригорское и Михайловское оживились пріѣздомъ изъ Дерпта двухъ тамошнихъ студентовъ: А. Н. Вульфа, сына Осиповой, и поэта Языкова. Языковъ пріѣхалъ на поэтической зовъ Пушкина: «Издревле сладостный союзъ» и пр. *Потомъ* онъ былъ обрадованъ пріѣздомъ своего друга барона Дельвига.» (Стр. 57 — 58) Эти свѣдѣнія неутверждены: Дельвигъ ѣздилъ въ Михайловское весною 1825 года, а Языковъ лѣтомъ 1826, незадолго до переѣзда Пушкина въ Москву, какъ сообщилъ намъ пріятель Языкова А. Н. Вульфъ, который и привезъ Языкова въ Михайловское. Это доказывается и стихотвореніями Языкова, написанными въ 1826 году. Л. С. Пушкинъ говоритъ далѣе въ своемъ очеркѣ, что «болѣе никого или почти никого Пушкинъ не видалъ во все время своей деревенской жизни» (стр. 58.) Это также не вѣрно. Кромѣ Дельвига и Языкова къ Пушкину пріѣзжали, какъ мы сказали, двое лицейскихъ его товарищей, о чемъ онъ упоминаетъ въ стихотвореніи «19 октября 1825», отрывокъ изъ котораго слѣдуетъ ниже. Кромѣ того Пушкинъ въ неизданномъ письмѣ къ Р. изъ деревни отъ 25 января 1825 года, о которомъ упоминается въ замѣчаніяхъ на статью Л. С. Пушкина (Отечественныя Записки 1853 года, № 7, Журналистика), говоритъ: «Пушкинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ моихъ «Цыгановъ.» Невѣрность извѣстій, сообщаемыхъ братомъ поэта, объясняется тѣмъ, что въ то время онъ, какъ сообщилъ намъ А. Н. Вульфъ, былъ далеко отъ упомянутыхъ лицъ, участвуя въ персидской кампаніи.

Вотъ окончаніе этого посланія, въ которомъ отчасти высказываются впечатлѣнія пребыванія Дельвига въ Михайловскомъ:

«Всегда въ пути моемъ тяжелою
Судьба мнѣ спутницей была,
Она мнѣ душу отвела
Въ пріютѣ дружества веселомъ,
Гдѣ васъ узналъ я, гдѣ яснѣй
Моя душа заговорила,
И блескъ Гименовыхъ свѣчей
Пророчесвенно полюбила.
Такъ при уходѣ зимнихъ дней,
Какъ солнце взглянетъ взоромъ вешнимъ,
Еще до зелени полей
Весны пѣвица въ краѣ здѣшнемъ
Плѣняетъ пѣсню своей.

Спусти нѣсколько мѣсяцевъ, Пушкинъ, празднуя въ своемъ уединеніи лицейскую годовщину (19 октября), вспоминалъ въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній объ этомъ свиданіи съ товарищами. Приводимъ нѣсколько строкъ изъ этого стихотворенія съ означеніемъ пропущенныхъ во всѣхъ его изданіяхъ фамилій лицъ, къ которымъ обращается Пушкинъ:

«И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ,
О, *Пушкинъ* мой, ты первый посѣтилъ;
Ты уладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его лица превратилъ.
Ты, *Горчаковъ*, счастливцевъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ, — фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.
Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ, —
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомный,
Подъ бурю главой поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщунъ Пермесскихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О, *Дельвигъ* мой: твой голосъ пробудилъ

Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ:
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья,
Ты гений свой воспитывалъ въ тиши.* (2)

Эти трогательныя строки представляютъ самое убѣдительное доказательство глубокаго уваженія великаго поэта къ слабому таланту Дельвига, уваженія, объяснимаго только пристрастіемъ дружбы.

Дельвигъ, проведя въ Михайловскомъ нѣсколько дней, возвратился въ Петербургъ, призываемый дѣлами, и въ томъ числѣ приготовленіями къ своей женитьбѣ. Онъ былъ помолвленъ съ Софьей Михайловной Салтыковой, единственною дочерью бывшаго попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, дѣйствительнаго камергера и сенатора Михаила Александровича Салтыкова, умершаго года два тому назадъ въ Москвѣ. М. А. Салтыковъ, начавшій службу еще въ царствованіе Екатерины, былъ въ свое время извѣстенъ быстрыми служебными повышеніями. Поступивъ въ 1787 году въ военную службу въ чинѣ поручика, онъ въ теченіи двухъ лѣтъ дослужился до майора, а въ 1794 произведенъ въ подполковника. Онъ находился при князѣ Потемкинѣ, и участвовалъ въ кампаніяхъ 1789 и 1790 годовъ. Въ 1796 году онъ вышелъ въ отставку, въ которой находился до 1801; въ этомъ году, тридцати-двухъ лѣтъ отъ роду, пожалованъ въ званіе дѣйствительнаго камергера и причисленъ къ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; а въ 1812 году назначенъ попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа. Салтыковъ былъ чрезвычайно любезенъ, зналъ въ совершенствѣ французскій языкъ и былъ вполне свѣтскимъ человѣкомъ. Рано овдовѣвъ, онъ имѣлъ только двоихъ дѣтей, Михаила, и послѣ него Софью, которая 19-ти лѣтъ вышла замужъ за Дельвига, — теперь же въ замужствѣ за С. А. Баратынскимъ, братомъ поэта.

(2) Изъ стихотворенія «19 октября 1825», напечатаннаго въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 годъ (стр. 342 — 348) и въ III томѣ «Сочиненій» Пушкина (стр. 16—22). Въ переводѣ этого стихотворенія на французскій языкъ (Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine, traduites par H. Dupont, t. II, стр. 240) вмѣсто фамилій Пушкина и Дельвига сказано *mon O****, безъ сомнѣнія по ошибкѣ переводчика, принявшаго восклицанія поэта O***, за начало фамиліи.

Вѣроятно, благодаря этому новому положенію Дельвига, Пушкинъ долго не получалъ отъ него ни строки, и снова начиналъ жаловаться на его молчаніе, какъ свидѣтельствуемъ неизданное письмо его къ Дельвигу отъ 8 іюня 1825 года (3). Въ этомъ замѣчательномъ письмѣ великій поэтъ увѣдомляя Дельвига, что по его отъѣздѣ онъ перечелъ всего Державина, высказываетъ свое окончательное мнѣніе о его произведеніяхъ (4). Въ слѣдующемъ письмѣ Пушкинъ поздравляетъ своего друга съ предстоящей ему женитьбой, и желаетъ ему быть счастливымъ.

(3) Это любопытное письмо, также какъ и пять другихъ писемъ Пушкина къ Дельвигу, упоминаемыхъ вслѣдъ за этимъ, были сообщаемы автору предлагаемой статьи П. В. Анненковымъ. Печатать ихъ не имѣемъ права, и потому, по необходимости, ограничиваемся изложеніемъ ихъ содержанія.

(4) Критическіе вопросы постоянно занимали Пушкина, и едва ли кто разрѣшалъ ихъ съ болѣею ясностью, самостоятельностью и простотою. Мѣсяца за три до упомянутаго письма Пушкинъ писалъ изъ Михайловскаго же (отъ 24 марта 1825 г.) къ Б., опровергая нѣкоторыя мнѣнія въ его «Взглядѣ на Русскую Словесность въ теченіи 1824 и началъ 1825 годовъ», напечатанномъ въ «Полярной Звѣздѣ» на 1825 годъ, (стр. 1—23). Въ этомъ неизданномъ письмѣ Пушкинъ высказываетъ, между прочимъ, нѣсколько мыслей о Державинѣ, предшествовавшихъ окончательному о немъ сужденію, которое ставится еще любопытнѣе по сличенію съ предшествовавшимъ ему взглядомъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма къ Б.:

«У насъ есть критика и нѣтъ литературы. Гдѣ же ты это нашелъ? Имено критики у насъ и не достасть. Отселъ репутаціи Ломоносова (уважаю въ немъ великаго человѣка, но конечно не великаго поэта: онъ повялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго, — вотъ его главная услуга) и Хераскова, и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи, то вѣрно ужъ не отъ критики Мерзлякова. Кумиръ Державина 1/4 золотой, 3/4 свинцовый, донинѣ еще не оцененъ. Ода «Къ Фелицѣ» стоитъ наряду съ «Вельможей». Ода «Богу» съ олою «На смерть Мещерскаго»; ода «Къ Зубову» недавно открыта. Князю безмятежно пользуется своею славою; Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмитриевъ также. Мы не имѣемъ ни единаго комментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ, что такое Крыловъ, Крыловъ, который столь уже выше Лавоногена, какъ Державинъ выше Ж. Б. Руссо.»

«Отъ чего у насъ нѣтъ гениевъ и мало талантовъ? Во первыхъ, у насъ Державинъ и Крыловъ; во вторыхъ, гдѣ же бываетъ много талантовъ.»

«Ободренія у насъ нѣтъ, и слава Богу. Отчего же нѣтъ? Державинъ, Дмитриевъ были въ ободреніе сдѣланы министрами. Вѣкъ Екатерины — вѣкъ ободреній. Отъ этого онъ еще не ниже другаго. Карамзинъ, кажется, ободренъ; Жуковский не можетъ жаловаться, Крыловъ также. Гвидичъ въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой полвигъ. Посмотримъ когда появится его Гомеръ. Изъ неободренныхъ вижу только себя и Баратынскаго, и не говорю слава Богу.»

«Ободреніе можетъ открыть только обыкновенныя дарованія. Не говорю объ Августовомъ вѣкѣ. Но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмахъ слѣды княжескаго покровительства. Шекспиръ лучшія свои трагедіи написалъ по заказу Елисаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика. Безсмертный Тарнополь — плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго гения, обязанъ бытіемъ своимъ

Свадьба Дельвига была 30 октября 1825 года ⁽⁵⁾. По этому случаю Дельвигъ получилъ отъ Баратынскаго слѣдующее посланіе, пропущенное въ собраніи его стихотвореній:

«Ты распрощался съ братствомъ шумнымъ
Безстыдныхъ, бѣшеныхъ, но добрыхъ шалуновъ,
Съ безчинствомъ дружескимъ веселыхъ ихъ пировъ,
И съ нашимъ счастьемъ вольводумнымъ.
Благовоспитанный степенный Гименей

Пристойно замѣнилъ проказника Амура,
И вѣтреныхъ подругъ, и вѣтреныхъ друзей,
И сластолюбца Эпикура,» и проч. ⁽⁶⁾

Въ это время Пушкинъ жилъ еще въ Михайловскомъ. До 1827 года, то есть до возвращенія своего въ Петербургъ, онъ не былъ знакомъ съ баронессой, судя по неизданному письму его къ Дельвигу, въ которомъ онъ, снова жалуясь на долгое молчаніе Дельвига, поздравляетъ его съ женитьбой, и проситъ рекомендовать его баронессѣ

Со времени женитьбы Дельвига, у него учредились по середамъ и воскресеньямъ литературныя собранія ⁽⁷⁾. «Баронъ Дельвигъ, по заступничеству монарха. Вольтеръ лучшую свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фридриха. Державину покровительствовали три царя. Ты не то скажешь, что хотѣлъ. Я буду за тебя говорить.»

Замѣтимъ, что возраженія эти писаны отъ 24 марта, т. е. до выхода въ свѣтъ «Полярной Звѣзды», подписанной цензоромъ только 20 марта, и вышедшей, какъ сказано въ предъидущей статьѣ (стр. 52), уже въ апрѣль. Эта кажущаяся съ перваго взгляда несообразность чиселъ объясняется тѣмъ, что «Взглядъ на Русскую Словесность», былъ доставленъ Пушкину въ листкахъ, до выпуска въ свѣтъ альманаха.

⁽⁵⁾ Сообщено барономъ А. И. Дельвигомъ.

⁽⁶⁾ Стихотвореніе это напечатано въ «Сиріусѣ», собраніи сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, изданномъ въ 1826 году М. А. Бестужевымъ-Рюминымъ (кн. I, стр. 76) подъ заглавіемъ: «Въ альбомѣ NN на другой день его свадьбы», съ подписью *Баратынскій*, и перепечатано въ «Славянинѣ», военно-литературномъ журналѣ А. Ф. Восойкова (1830 г. часть вторая, № XV, стр. 77) подъ заглавіемъ «Къ Д...» на другой день послѣ (?) его женитьбы», безъ перемены съ тою же подписью.

Въ «Сиріусѣ» напечатано посланіе Бестужева-Рюмина «Къ Б...ву» (стр. 149), напоминающее слѣдующими строками только-что приведенное стихотвореніе:

«Не внемля дружескимъ совѣтамъ,
Ужъ ты рѣшился наковецъ,
Во предъ цвѣтущимъ жизни лѣтамъ,
Пріять супружескій вѣнецъ.
Не внявъ друзей мольбѣ сердечной,
Ужъ ты рѣшился,овъ,
Покинуть, кажется, на вѣчно
Семью беспечныхъ шалуновъ!»

⁽⁷⁾ Дельвигъ жилъ тогда въ Большой Милліонной, въ домѣ г-жи Эбелинъ, какъ видно изъ адреса на одномъ изъ писемъ къ нему Пушкина.

свидѣтельству П. А. Плетнева («Литературная Газета» 1831 года, т. III, № 4, «Некрологія», стр. 32), любилъ общество, но дружеское, но избранное, достойное ума его и сердца, въ чемъ и полагалъ онъ весь аристократизмъ свой, правда, не увлекшій его въ большой свѣтъ, но защитившій отъ знакомствъ скучныхъ и слишкомъ ужъ нелестныхъ. Умъ его отъ природы былъ болѣе глубокъ, нежели остръ. Отъ того иногда замѣтна была въ немъ неговорливость. Но по характеру своему онъ расположенъ былъ къ самой счастливой веселости и безпечности, такъ-что отъ одного присутствія его одушевлялось цѣлое общество. Ежели онъ увлекался разговоромъ, то обнималъ предметъ съ самыхъ занимательныхъ сторонъ и удивлялъ всѣхъ подробностію и разнообразіемъ познаній. Въ домашнемъ кругу, даже въ кабинетѣ его никто никогда не примѣчалъ переменъ на этомъ открытомъ, ясномъ, веселомъ лицѣ, которое было чистымъ зеркаломъ прямой и любезной души ⁽⁸⁾. Свидѣтельство П. А. Плетнева подтверждается и всѣми знавшими лично поэта. «Баронъ — пишетъ намъ М. А. Максимовичъ — былъ удивительно хорошъ и въ пирушкахъ, когда бѣвалъ онъ *Друзья, друзья! я Несторъ между вами*, и въ домашнемъ быту.... Словомъ, это была вполне поэтическая симпатичная натура, въ которой многосторонняя жизнь прекрасно слилась въ стройное, спокойное единство». На этихъ дружескихъ вечерахъ, быть можетъ, еще памятныхъ нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей, встрѣчались Крыловъ, Жуковскій, Гнѣдичъ, Измайловъ, Сомовъ, П. Яковлевъ (болѣе извѣстный подъ именемъ *Лужницкаго старца* — псевдонимъ, подъ которымъ скрывался и Каченовскій), кн. Вяземскій, Плетневъ; многіе изъ лицейскихъ товарищей Дельвига: Иличевскій, М. Л. Яковлевъ, М. Д. Деларю, кн. Д. А. Э., и многіе другіе. Одинъ изъ величайшихъ поэтовъ нашего времени, М., оживлялъ эти бесѣды своими чудными рассказами, о которыхъ такъ трогательно вспоминаетъ Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній («Сочиненія А. Пушкина», т. IX, стр. 171). Молодые, только-что начинавшіе таланты, находили у Дельвига самый радушный, ободрительный пріемъ. Въ этомъ обществѣ явился, на самое короткое время, Веневитиновъ, такъ рано похищенный у русской литературы. Онъ особенно сочувствовалъ Дельвигу, и бывалъ у него

⁽⁸⁾ Эти черты характера Дельвига повторены и въ біографіяхъ его: въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» А. Плюшара (т. XVII, стр. 435), составленной Н. В. С. (Савельевымъ-Ростиславичемъ) и, по ошибкѣ, не указанной въ первой статьѣ предлагаемаго труда, и въ «Дневникѣ Отечественныхъ Воспоминаній» 1840 года (выпускъ первый, стр. 43).

почти каждый день ⁽⁹⁾. Въ этотъ же кружокъ введены были А. И. Подолинскій, баронъ Розенъ, В. Н. Щастный, и нѣсколько позже Гоголь ⁽¹⁰⁾. По смерти Дельвига эти литературныя собранія перенесены къ П. А. Плетневу, гдѣ продолжаютъ и до сихъ поръ въ тѣ же самые дни.

Всѣ эти лица принимали дѣятельное участіе въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», которые издавались Дельвигомъ ежегодно по книжкѣ. Полное изданіе альманаха, продолжавшееся съ 1825 по 1832 годъ, состоитъ изъ восьми книжекъ, изъ которыхъ послѣдняя издана Пушкинымъ по смерти Дельвига. Со второй книжки альманахъ уже не имѣлъ опаснаго соперничества: «Полярная Звѣзда» съ 1825 года прекратилась, а «Невскій Альманахъ», вступавшій также во второй годъ своего существованія, пользовался гораздо меньшимъ успѣхомъ, нежели «Полярная Звѣзда» и «Сѣверные Цвѣты». Другіе же альманахи 1826 года: «Московскій альманахъ» Сергѣя Глинки, «Уранія» М. П. Погодина, «Сириусъ» М. Бестужева-Рюмина и «Календарь Музъ» А. Измайлова не могли соперничать съ альманахомъ Дельвига. Можетъ быть этотъ недостатокъ соревнованія былъ причиною поздняго выхода второй книжки «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», явившихся только къ апрѣлю, и несовсѣмъ строгаго выбора произведеній, особенно въ прозаической части альманаха.

Не будемъ распространяться теперь объ этомъ изданіи. «Сѣверные Цвѣты», какъ сборникъ, не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ личности Дельвига, которая выражалась въ нихъ развѣ только случайно и весьма незначительнымъ образомъ; притомъ же подробное и обстоятельное разсмотрѣніе всѣхъ книжекъ альманаха отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ главнаго предмета, а обзорѣніе поверхностное было бы бесполезно. Поэтому современемъ постараемся посвятить отдѣльную статью подробному разсмотрѣнію «Сѣверныхъ Цвѣтовъ»; теперь же скажемъ объ этомъ изданіи по мѣрѣ того, на сколько оно касается личности Дельвига.

⁽⁹⁾ Веневитиновъ умеръ 15 марта 1827 года, на 22 году отъ рожденія. Дельвигъ написалъ на смерть его стихотвореніе («На смерть В...ва»), напечатанное въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 годъ (стр. 24) и перепечатанное безъ перемѣнъ въ обоихъ изданіяхъ его стихотвореній, (въ первомъ стр. 23—24, а въ смірдинскомъ стр. 15—16). В. Туманскій также написалъ два стихотворенія «Въ память Веневитинова» (Московскій Вѣстникъ 1827, часть третья, № XII, стр. 318); его же памяти (В...ва) посвящено стихотвореніе М. Д. Деларю «Могила поэта» (Сѣверные Цвѣты на 1831 годъ, стр. 80) и нѣсколько стиховъ въ статьѣ Трилунаго о «Сочиненіяхъ» Веневитинова (Литературная Газета 1831 года, т. III, № 22, стр. 177).

⁽¹⁰⁾ Свѣдѣнія объ этихъ литературныхъ собраніяхъ сообщены барономъ А. И. Дельвигомъ.

Во второй книжкѣ альманаха Дельвигъ напечаталъ слѣдующія стихотворенія: «Въ альбомѣ С. Г. К—ой» (стр. 14), «Н. И. Гнѣдичу» (стр. 55), «Мы» (стр. 66), «Эпитафія» (стр. 66), «Луна» (стр. 105), русскую пѣсню: «Соловей мой, соловей» (стр. 127—128) и «Двѣ звѣздочки» (стр. 129—131) ⁽¹¹⁾.

Съ третьей книжки альманаха Дельвигъ принялъ на себя и всѣ издержки и хлопоты по его изданію. По безпечности и лѣности новаго издателя, книжка также явилась поздно, и прозаической отдѣлъ ея также блѣденъ; но въ отдѣлѣ поэзіи напечатано нѣсколько лучшихъ стихотвореній Пушкина.

Изъ стихотвореній Дельвига въ этой книжкѣ альманаха напечатаны: «Дионисамъ» на пріѣздъ трехъ друзей (стр. 302—303), который приведенъ и объясненъ во второй статьѣ нашего труда (стр. 39—40), идиллія «Друзья» стр. 311—316), «Въ альбомѣ А. Н. В—фъ» (стр. 329), стихотвореніе, о которомъ уже сказано выше, и «Геній-Хранитель» (стр. 339—341) ⁽¹²⁾.

Все лѣто 1827 года Дельвигъ провелъ въ Ревелѣ, по болѣзни своей жены, которая пользовалась тамъ морскими ваннами ⁽¹³⁾. Не знаемъ много ли и что именно написалъ Дельвигъ въ то лѣто, но впечатлѣнія поѣздки замѣтны только въ сонетѣ русскому флоту, написанномъ подъ влияніемъ величественнаго зрѣлища морскихъ маневровъ ⁽¹⁴⁾.

Между тѣмъ Пушкинъ, получивъ въ началѣ сентября 1826 года разрѣшеніе пользоваться совѣтами столичныхъ докторовъ, уѣхалъ въ Москву, и проведя тамъ нѣсколько дней, возвратился въ Михайловское, а въ концѣ ноября снова переѣхалъ въ Москву, гдѣ и прожилъ всю зиму и весну. Въ маѣ 1827 года ему разрѣшено пребываніе въ обѣихъ столицахъ, и Пушкинъ отправился въ Петербургъ. Въ іюлѣ онъ былъ уже снова въ Михайловскомъ, и вотъ что писалъ оттуда къ Дельвигу:

⁽¹¹⁾ Два изъ этихъ стихотвореній, именно: «Н. И. Гнѣдичу» и «Луна» напечатаны съ подписью — Д —. Остальные пять явились съ полною подписью поэта (*Баронъ Дельвигъ*). Всѣ они напечатаны въ обоихъ собраніяхъ стихотвореній Дельвига (въ первомъ на стр. 29, 25, 104, 26, 36, 32 и 17, а во второмъ (смірдинскомъ) на стр. 19, 16, 77, 17, 24, 21 и 10).

⁽¹²⁾ Всѣ эти стихотворенія, напечатанные въ альманахѣ за полною подписью поэта (*Баронъ Дельвигъ*), помѣщены въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига (въ первомъ на стр. 101, 113, 27 и 20, а во второмъ на стр. 75, 84, 17 и 12).

⁽¹³⁾ Изъ формулярнаго списка Дельвига видно, что онъ былъ въ отпуску четыре мѣсяца съ 31 мая 1827 года.

⁽¹⁴⁾ Сонетъ этотъ, написанный въ іюлѣ 1827 года, и принадлежавшій къ посмертнымъ произведеніямъ Дельвига, напечатанъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1832 годъ (стр. 6) и въ смірдинскомъ изданіи его стихотвореній (стр. 152).

«Вотъ тебѣ обѣщанная элегія, душа моя (16). Теперь у тебя отрывокъ изъ «Онѣгина», отрывокъ изъ «Бориса», а эта пьеса (16). Постараюсь прислать еще что-нибудь (17). Вспомни, что у меня на рукахъ «Московскій Вѣстникъ», и что я не могу его оставить на произволъ судьбы. Если кончу посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы и его тиснемъ. Въ концѣ осени буду у васъ. Вдохновенія еще нѣтъ; покамѣстъ принялся я за прозу. Пиши мнѣ о своихъ занятіяхъ. Что твоя проза, и что твоя поэзія? Рыцарскій Ревель разбудилъ ли твою заспанную музу? У васъ ***? Кстати: Сомовъ говорилъ мнѣ о «Вечерѣ у Карамзина». Не печатай его въ своихъ «Цвѣтахъ»: (18)... Что твоя жена? Помогло ли ей море? Няня ее цѣлуетъ, я ей кланяюсь. Пиши же.»

31 іюля. Михайловское (19).

Вообще Пушкинъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ составленіи четвертой книжки альманаха (на 1828 годъ), и, благодаря

(16) Элегія эта («Полю небомъ голубымъ страны своей родной») напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 годъ (стр. 51) и въ собраніи «Сочиненій» Пушкина въ числѣ пропущенныхъ стихотвореній (т. IX, стр. 466). Нѣтъ сомнѣній, что стихотвореніе это, по содержанию, принадлежитъ къ воспоминаніямъ жизни Пушкина въ южной Россіи, и, по всей вѣроятности, имѣетъ близкую связь съ двумя другими его стихотвореніями: «Разставаніе» (т. IX, стр. 160) и «Закланіе» (т. IX, стр. 164—165). Быть можетъ, къ тому же лицу относится и сонетъ В. Тумаскаго «На кончину Р...», посвященный Пушкину и написанный въ 1825 году въ Одессѣ («Сѣверная Лира на 1827 годъ», изд. Ранчезъ и Ознобишинымъ, стр. 153—154). Не относятся ли эти стихотворенія къ извѣстной одесской красавицѣ, женѣ негодяига Ризничъ, о которой говоритъ профессоръ К. П. Зеленскій въ «Замѣткахъ о пребываніи А. С. Пушкина въ Кишиневѣ и Одессѣ» (Москвитинъ 1854, № 9, Слѣсъ, стр. 41)? Элегія Пушкина переведена на французскій въ прозѣ (очень невѣрно и дурно) въ «Le Furet, journal de littérature et des théâtres», 1830 г., № 12, въ письмѣ: «Une dame de Pétersbourg à une de ses amies de Moscou» (стр. 46), гдѣ между прочимъ сказано нѣсколько словъ и о «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 годъ.

(16) Отрывка изъ «Онѣгина» въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 годъ нѣтъ; отрывокъ же изъ «Бориса» (сцена на литовской границѣ) напечатанъ на стр. 25—27.

(17) Пушкинъ доставилъ въ послѣдствіи для четвертой книжки альманаха «Графа Нулина» (стр. 1—18), повѣсть, напечатанную въ томъ же году отдѣльно и явившуюся въ 1828 году въ одной книжкѣ вмѣстѣ съ повѣстью Баратынскаго «Балъ»; «Ангела» (стр. 49—60), о которомъ сказано нѣсколько словъ въ «Furet» 1830 года (№ 12, стр. 46) въ статьѣ названной выше, и «Черепъ» (стр. 100—107), о которомъ мы уже говорили въ первой статьѣ нашего труда (стр. 58—62).

(18) Пушкинъ говоритъ, вѣроятно, о статьѣ, напечатанной подъ заглавіемъ: «Встрѣча съ Карамзиннымъ» въ «Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ», альманахѣ на 1828 годъ (стр. 150—164). О ней уже сказано въ третьей статьѣ нашего труда (стр. 22—23).

(19) Это неизданное письмо, такъ же, какъ и два слѣдующихъ ниже, сообщено (въ копію) автору предлагаемой статьи, чрезъ посредство Д. И. Мацкельча, В. И. Щастина, который по смерти Дельвига разбиралъ его бумаги.

этому участію, «Сѣверные Цвѣты» на 1828 годъ были составлены удачнѣе прежнихъ. Кромѣ названныхъ выше статей, кромѣ стихотвореній Батюшкова, Крылова, Гнѣдича, Козлова, Баратынскаго, Языкова и Подолинскаго, въ этой книжкѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ «Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія» (стр. 208—226), статья неподписанная, но, какъ извѣстно, принадлежащая Пушкину, и пропущенная въ собраніи его «Сочиненій». Дельвигъ, по скромности, исключилъ въ ней мнѣніе великаго поэта о его идилліяхъ, которое будетъ напечатано въ слѣдующей статьѣ, при разборѣ сочиненій Дельвига.

Изъ стихотвореній Дельвига въ этой книжкѣ напечатаны: «На смерть В...ва» (стр. 24), «На смерть собачки Амики» (стр. 65—67), «Отвѣтъ» (стр. 86—88), о которыхъ мы уже говорили; «Утѣшеніе» (стр. 93), *Идиллія*: «Нѣкогда Титиръ и Зоя» (стр. 94), *Эпиграмма*: «Свитокъ истлѣвшій съ трудомъ развернули» (стр. 95) и «Смерть» (стр. 96) (20).

Книжка даже явилась ранѣе двухъ предшествовавшихъ, къ новому году, потому что Дельвигъ, потерявъ всякую надежду на свое трудолюбіе и аккуратность, пригласилъ въ товарищи по изданію альманаха О. М. Сомова, бывшаго впоследствии его товарищемъ и по изданію «Литературной Газеты». Покойный Сомовъ, какъ уже сказано во второй статьѣ о Дельвигѣ (стр. 38), находился нѣкоторое время въ отношеніяхъ не дружественныхъ къ нашему поэту: Сомовъ участвовалъ до 1826 года въ «Благонамѣренномъ», въ которомъ безпрестанно являлись выходки противъ *балловней-поэтовъ* и въ особенности противъ Дельвига (второй статьи стр. 54—62), и нерѣдко принималъ въ нихъ участіе; а съ 1826 года, по прекращеніи «Благонамѣреннаго», Сомовъ дѣятельно участвовалъ въ изданіяхъ г. Булгарина. Въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 годъ Сомовъ напечаталъ малороссійскій разсказъ «Юродивый» (стр. 159—217) подъ псевдонимомъ *Порфирия Байскаго*, имѣвшій нѣкоторый успѣхъ, и съ тѣхъ поръ сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Дельвига, и былъ искренно ему преданъ (21).

(20) Всѣ эти стихотворенія, напечатанные въ альманахѣ за полною подписью поэта (*Баронъ Дельвигъ*) помѣщены въ обоихъ изданіяхъ его стихотвореній (въ первомъ на стр. 23, 40, 14, 105, 65, 123 и 124, а на второмъ на стр. 15, 27, 8, 78, 48, 92 и 93).

(21) О непостоянствѣ убѣжденій Сомова можно *отчасти* судить по статьѣ «Бѣлое и черное, или семь пятницъ на недѣлѣ» (Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ 1831 года, ч. XVIII, стр. 313—319). Въ «Галатей» Ранча 1829 года (№ 9, стр. 65) объявлено о переходѣ Сомова въ «Московскій Телеграфъ». Сомовъ дѣйствительно участвовалъ въ «Телеграфѣ», но не переставалъ быть и сотрудникомъ Дельвига.

Почти одновременно съ выходомъ четвертой книжки «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», покойный Михаилъ Алексѣевичъ Яковлевъ (переводчикъ съ французскаго и составитель водевилей) издалъ «Опытъ Русской Анеѳологіи, или избранныя эпиграммы, мадригалы, эпитафіи, надписи, апологи и нѣкоторыя другія мелкія стихотворенія». Нѣкоторые изъ молодыхъ поэтовъ, въ томъ числѣ Пушкинъ и Дельвигъ, отдали издателю «Анеѳологіи» нѣсколько неизданныхъ стихотвореній; большая же часть сборника составлена изъ произведеній, выбранныхъ изъ альманаховъ и журналовъ. Стихотвореній Пушкина въ сборникѣ помѣщено болѣе двадцати. Дельвигъ отдалъ Яковлеву два неизданныхъ стихотворенія: *Эпиграмму*: «Свитокъ истлѣвшій съ трудомъ развернули» (стр. 36) и «Утѣшеніе» (стр. 161), которые явились почти въ то же время въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ». Кромѣ ихъ въ «Опытѣ» перепечатаны изъ разныхъ изданій слѣдующія стихотворенія Дельвига: «Къ выпущенной птичкѣ» (стр. 45), «Вакхъ» (стр. 46) и «Мы» (стр. 169), о которыхъ уже сказано выше.

Въ концѣ 1827 года Пушкинъ оставилъ Михайловское и провѣлъ всю зиму и весну въ Петербургѣ и Москвѣ, и очень часто видался съ Дельвигомъ. По свидѣтельству жившаго въ то время у Дельвига роднаго его брата, Александра Антоновича, Пушкинъ бывалъ у нихъ почти всякій вечеръ. Сомовъ и нѣкоторые друзья поэта были также почти ежедневными его посѣтителями⁽²²⁾. Литературныя чтенія въ обществѣ, весьма обыкновенныя въ то время, особенно часто бывали у Дельвига. Стихотворенія и прозаическія статьи, присылавшіяся Дельвигу для помѣщенія въ его альманахѣ, прочитывались и обсуживались въ этой пріятельской бесѣдѣ; здѣсь же обыкновенно читались новыя произведенія Пушкина, Баратынскаго и Жуковскаго, которые, разумѣется, не столько для предварительнаго просмотра, сколько по дружбѣ къ Дельвигу, присылали ему многіе изъ своихъ новыхъ стихотвореній. Въ одинъ изъ та-

⁽²²⁾ Баронъ А. А. Дельвигъ, братъ поэта, часто присутствовавшій при этихъ ежедневныхъ собраніяхъ, сообщилъ намъ слѣдующія о нихъ подробности: эти бесѣды происходили обыкновенно въ кабинетъ Дельвига. Пушкинъ сидѣлъ на диванѣ, по турецки, съ погами, Дельвигъ подлѣ него на креслѣ, а передъ нимъ на столѣ лежала бумага и карандашъ. Разговоры ихъ нерѣдко перемѣшались экспромтами Пушкина, которые Дельвигъ немедленно записывалъ, показывалъ Пушкину, а иногда, не показывая, отдавалъ въ печать, такъ что Пушкинъ, не придававшій важности этимъ шуткамъ и немедленно забывавшій ихъ, увѣрялъ, что Дельвигъ подписываетъ его фамилію подлѣ чужихъ стиховъ. Мы сомнѣваемся, однакожъ, въ справедливости послѣдняго показанія, несмотря на свидѣтельство очевидца: Пушкинъ, всегда тщательно отдѣлывавшій всѣ свои произведенія, вообще не любилъ экспромтовъ.

кихъ вечеровъ Пушкинъ читалъ написанную имъ еще въ южной Россіи «Комедію о Царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ», которую онъ долго не рѣшался печатать, и которая была издана только въ 1831 году, уже по смерти Дельвига, подлѣ заглавіемъ «Борисъ Годуновъ»⁽²³⁾. При чтеніи присутствовалъ и М., съ которымъ наши поэты дѣлились, по выраженію Пушкина, «и мечтами, и вѣснами.»

По совѣту Дельвига и М., Пушкинъ исключилъ изъ своей трагедіи сцену между Григоріемъ и злымъ чернецомъ, предшествовавшую сценѣ между Пименомъ и Григоріемъ въ Чудовомъ монастырѣ. Исключенная сцена, по мнѣнію обоихъ поэтовъ, ослабляла впечатлѣніе, производимое разсказомъ Пимена⁽²⁴⁾, — замѣ-

⁽²³⁾ Вотъ что писалъ Пушкинъ объ этой трагедіи въ неизданномъ письмѣ къ А. Б.—у отъ 3 декабря 1824 года изъ Михайловскаго: «Важная вещь! я видѣлъ трагедію, и ею очень доволенъ; но страшно въ свѣтѣ выдать робкій взвѣсъ нашъ нестерпимъ истиннаго романтизма. Подлѣ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ, — все не то; даже К.—ръ вретъ.» До изданія трагедіи отдѣльно, одна сцена изъ нея (въ Чудовомъ монастырѣ) была напечатана въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827 года (№ 1, стр. 3—10; начало же ея перепечатано въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1828 годъ (стр. V—VIII), какъ объясненіе приложенной къ альманаху картинки, изображающей Пимена и Григорія; другая (на Литовской границѣ) въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 годъ (стр. 25—27), и двѣ первыя сцены трагедіи въ «Денницѣ» 1830 года (стр. 1—9).

⁽²⁴⁾ Свѣдѣніе это сообщаетъ баронъ Е. О. Розенъ въ своемъ разборѣ «Бориса Годунова» въ «Dorpaten Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands» 1833 (т. I, стр. 56), и, находя, вопреки вышесказанному мнѣнію, что переходъ отъ разсказа Пимена къ побѣгу Отрепьева становится, чрезъ исключеніе этой сцены, слишкомъ скорымъ, полагаетъ, что въ ней есть не только историческое основаніе, но и поэтическая истина (стр. 53), и потому сообщаетъ ее въ переводѣ на нѣмецкій съ русскимъ подлинникомъ. Переводчикъ говоритъ, что Пушкинъ намѣренъ былъ вставить эту сцену во второе изданіе трагедіи. Статья барона Розена переведена на русскій и напечатана вмѣстѣ съ отрывкомъ изъ трагедіи въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Ивалиду» 1834 года (№ 3, стр. 23). Баронъ Розенъ упоминаетъ о той и другой статьяхъ въ «Ссылкѣ на мертвыхъ» («Сынъ Отечества» 1847 г., іюнь, ст. III, стр. 10—11).

Сцена между Григоріемъ и чернецомъ перепечатана въ «Москвитянинѣ» 1854 года (№ 5, отд. IV, стр. 1—3) съ прибавленіемъ стиховъ, не принадлежащихъ Пушкину и съ раздѣленіемъ каждаго стиха на два. Хотя послѣднее измѣненіе имѣетъ основаніе, мы предпочли бы, однакожъ, сохранить эту сцену въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ-подъ пера поэта. Прибавленные, со словъ С. П. Шевырева, слѣдующіе два стиха, не принадлежатъ Пушкину:

И куда костей проклятыхъ
Не заноситъ вороны.

Этихъ стиховъ, какъ мы уже сказали въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1854 года (№ 5, Журналистика), нѣтъ ни въ «Dorpaten Jahrbücher», ни въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ», ни въ рукописи трагедіи, переписанной для Пушкина, гдѣ вся эта сцена зачеркнута, ни въ доставленныхъ намъ В. Н. Щапынымъ и

чаніе справедливое, тѣмъ болѣе, что эта сцена, растягивая дѣйствіе, принадлежитъ, въ отношеніи формы, сравнительно къ слабѣйшимъ мѣстамъ трагедіи.

Необыкновенное, почти безусловное, довѣріе великаго поэта вкусу Дельвига, оправдываемое и объяснимое только пристрастіемъ дружбы, высказывалось при каждомъ случаѣ. И на школьной скамьѣ, когда великій поэтъ еще впервые испытывалъ свои силы, онъ любилъ говорить съ Дельвигомъ «обо всемъ, что душу волнуетъ, что сердце томить», и на вечерахъ у Жуковского, гдѣ читалась его первая поэма, онъ прислушивался къ сужденіямъ Дельвига среди похвалъ уже извѣстныхъ писателей, и вдали отъ Петербурга дѣлился съ нимъ литературными впечатлѣніями. Пушкинъ какъ будто не видѣлъ того огромнаго разстоянія, которое отдѣляетъ его не только отъ Дельвига, но и отъ другихъ, даже болѣе талантливыхъ поэтовъ, какъ будто не сознавалъ разницы между собою и Дельвигомъ. Онъ не только считалъ Дельвига талантомъ неоцѣнимымъ — мнѣніе, которое сохранилъ до конца жизни, но такъ близко связывалъ съ его судьбою свою литературную дѣятельность, что, огорченный смертью Дельвига, не разъ говорилъ въ пріятельскомъ кружкѣ, что и его литературное поприще кончено, и что онъ болѣе не будетъ писать — намѣреніе, не исполнившееся къ счастью литературы.

Несмотря на эти душевныя, вполне дружескія отношенія, поэты были необыкновенно осторожны и воздержны въ литературныхъ сужденіяхъ другъ о другѣ, и весьма рѣдко рѣшались на какое нибудь замѣчаніе. Пушкина удерживало, быть можетъ, сознание своихъ силъ и добродушная снисходительность къ чужимъ произведеніямъ; Дельвига, вѣроятно, сознание своей слабости и убѣжденіе въ необыкновенной художественности произведеній Пушкина, художественности, которую прежде всѣхъ замѣтилъ и оцѣнилъ Дельвигъ.

Объ этой осторожности обоихъ поэтовъ, въ литературныхъ сужденіяхъ другъ о другѣ, свидѣтельствуетъ баронъ Е. О. Розенъ въ статьѣ «Сылка на мертвыхъ» («Сынъ Отечества» 1847 года, іюнь, отд. III стр. 3—40), въ которой говоритъ, между прочимъ, о литературныхъ отношеніяхъ Пушкина и Дельвига и о своемъ зна-

барономъ Розенъ двухъ спискахъ этой сцены, списанныхъ съ подлинника. Наша замѣтка по поводу этихъ двухъ стиховъ вызвала возраженіе С. П. Шевырева, который, отвергая приводимые нами свидѣтельства, и, основываясь на своей памяти подтверждаетъ принадлежность этихъ стиховъ Пушкину («Москвитянинъ» 1854, № 3, «Антикритическая замѣтка», отд. IV, стр. 45—46): Не защищая приведенныхъ нами фактовъ, позволяемъ себѣ замѣтить, что и память, особенно по пошествіи сашкомъ двадцати лѣтъ, неполно надежное свидѣтельство.

комствѣ съ ними. Заимствуемъ изъ этой статьи свѣдѣнія, относящіяся къ нашему предмету.

Содержаніе разсказа относится къ 1829 году. Баронъ Розенъ отправился къ Пушкину, жившему тогда въ гостинницѣ, бывшей Демута, гдѣ онъ обыкновенно останавливался, пріѣзжая въ Петербургъ. Но пусть говоритъ самъ авторъ:

«Онъ (Пушкинъ) встрѣчаетъ меня восклицаніемъ, что я пришелъ очень кстати: «Я разсказалъ Дельвигу, что имѣлъ удовольствіе съ вами познакомиться, и долженъ былъ дать ему слово привести васъ къ нему: завтра его депъ въ недѣль.» — Онъ назначилъ мнѣ пріѣхать къ нему, и повезъ меня къ барону Дельвигу...

«Дельвигъ — продолжаетъ баронъ Розенъ — сказался мнѣ своимъ всегда и всюду одинаковымъ гармоническимъ спокойствіемъ и, такъ сказать, прозрачною ясностью своего существа... Классическое, античное явленіе, неожиданное въ наше время, и будто бы взятое прямо изъ школы Платона! Такой цѣлости человѣческой, такого единства личности (?) я дотолѣ и послѣ того не встрѣчалъ. Только въ залахъ Ватикана, древнія статуи античною особенностью своего выраженія невольно напоминали мнѣ характеръ Дельвига... Въ самомъ дѣлѣ, я увѣренъ, что еслибъ онѣ ожили, то ихъ античный бытъ не могъ бы выразаться въ XIX вѣкѣ иначе, какъ въ образѣ жизни и въ характерѣ нашего Дельвига!» (Стр. 13).

Это безусловно-восторженное удивленіе автора не только произведеніямъ, но даже личности Дельвига, не имѣвшее въ настоящемъ случаѣ основанія, безъ сомнѣнія, было внушено пристрастіемъ Пушкина, которому, какъ сознается баронъ Розенъ, чрезвычайно нравились подобныя сужденія о Дельвигѣ, и который увѣрялъ, что у насъ еще черезъ пятьдесятъ лѣтъ не оцѣнятъ Дельвига (Стр. 15). Но, отлагая сужденія о произведеніяхъ Дельвига до слѣдующей статьи, возвращаемся къ разсказу барона Розена.

«Съ Дельвигомъ я сблизился очень скоро. Однажды передаю ему критическое замѣчаніе, сдѣланное мнѣ Пушкинымъ, когда я читалъ ему, въ рукописи, одно изъ моихъ стихотвореній. Дельвигъ удивился.

— Неужели Пушкинъ сдѣлалъ вамъ критическое замѣчаніе!

— Что же тутъ мудренаго? кому же, какъ не ему, учить новобранца?

— Поздравляю васъ: это значитъ, что вы будете не въ числѣ его обыкновенныхъ знакомствъ! Пушкинъ, въ этомъ отношеніи, чрезвычайно остороженъ и скрытенъ, всегда отдѣливается свѣтскою вѣжливостью. Я вмѣстѣ съ нимъ воспитанъ — и только недавно началъ онъ дѣлать мнѣ критическія замѣчанія: это вѣрнѣйшій признакъ особеннаго пріятельскаго расположенія къ автору!» (Стр. 16).

Другой, почти такой же, разговор происходил по поводу «Загадки» (при посылкѣ бронзоваго сфинкса), стихотворенія, которое Пушкинъ отдалъ барону Розену для альманаха «Царское Село». Вотъ эта «Загадка», въ которой, несмотря на дружески-пристрастную похвалу, не трудно угадать Дельвига:

«Кто на сѣбѣхъ возрастилъ Феокритовы нѣжныя розы?
Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой угадалъ?
Кто, славянинъ молодой, грекъ духомъ, а родомъ германецъ?
Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши!»⁽²⁵⁾

По поводу «Загадки» баронъ Розенъ рассказываетъ слѣдующее:

«Оказалась просодическая неисправность во второмъ гекзаметрѣ: онъ былъ у Пушкина такъ:

«Кто славянинъ молодой, духомъ грекъ, родомъ германецъ?»

«Я замѣтилъ это Дельвигу, указавъ, какъ легко исправить погрѣшность перестановкою двухъ словъ и прибавленіемъ союза *a*, и попросилъ Дельвига сдѣлать эту поправку, или принять ее на себя. Онъ не согласился.

«— Или покажите самому Пушкину, или напечатайте такъ какъ есть! Что за бѣда? Пушкину позволительно ошибаться въ древнихъ размѣрахъ: онъ ими не пишетъ!

«Съ этимъ послѣднимъ доводомъ я уже не согласился, однако не посмѣлъ и показать Пушкину: я боялся, что онъ отниметъ у меня стихотвореніе, подъ предлогомъ, что онъ самъ придумаетъ поправку. До послѣдней корректуры, я нѣсколько разъ заводилъ съ нимъ рѣчь объ этой пьесѣ: не сказалъ ли ему Дельвигъ о погрѣшности? Нѣтъ!» (Стр. 17).

Дѣло кончилось тѣмъ, что баронъ Розенъ самъ исправилъ эту незначительную неправильность, за что Пушкинъ, конечно, не разсердился.

«Мнѣ уже нельзя было — продолжаетъ авторъ — не признаться въ передѣлкѣ, но я горько жаловался на Дельвига, который не хотѣлъ снять на себя такой неважной для него отвѣтственности передъ своимъ лицейскимъ товарищемъ.» (Стр. 17—18).

Вотъ до какой степени были тонки и осторожны литературныя отношенія Пушкина и Дельвига, несмотря на старинную и тѣсную дружбу обоихъ поэтовъ.

⁽²⁵⁾ Стихотвореніе это напечатано въ альманахѣ «Царское Село», изданномъ на 1830 годъ Н. М. Коншинымъ и барономъ Розеномъ (стр. 4). Въ собраніи «Сочиненій» Пушкина оно перепечатано безъ перемѣнъ въ IX томѣ (стр. 457). «Сѣверный Меркурій» 1830 года, говоря объ этой загадкѣ (№ 122, Смѣсь, стр. 176), замѣчаетъ, что «уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло отъ выхода «Царскаго Села», но едва ли нашелся хитрый Эдипъ, который разрѣшилъ бы эту загадку. Въ самомъ дѣлѣ мудро отгадать: кто этотъ славянинъ, родомъ германецъ?»

Быть можетъ, благодаря этимъ дружескимъ литературнымъ отношеніямъ и частому размѣну между поэтами ихъ новыхъ стихотвореній еще въ рукописи, случалось, что произведенія одного изъ нихъ были приписываемы другому. Такъ, напримѣръ, въ собраніи «Сочиненій» Пушкина, представляющемъ собою рѣдкій образецъ всѣхъ возможныхъ неисправностей и непростительнаго неуваженія къ сокровищамъ роднаго слова, попало стихотвореніе Дельвига: *Застольная пѣсня*: «Други, пусть года несутся!» (т. IX, стр. 291), напечатанная въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» (Соревнователь просвѣщенія и благотворенія) подъ заглавіемъ «Дионрамбъ» (часть XII, стр. 212), съ подписью — Д—. Принадлежность его Дельвигу подтверждается и тѣмъ, что оно находится и въ рукописяхъ поэта, даже въ двухъ экземплярахъ. Въ «Сочиненіяхъ» Пушкина, въ довершеніе забавной ошибки, стихотвореніе это напечатано невѣрно, съ сохраненіемъ его первоначальной редакціи, тогда какъ въ рукописяхъ Дельвига оно подверглось значительнымъ исправленіямъ почти въ каждой строцкѣ. Для сличенія, представляемъ этотъ «Дионрамбъ» въ исправленномъ видѣ:

«Други! пусть года несутся!
О годахъ не намъ тужить!
Не всегда и грозды выются, —
Такъ скорѣй и пить, и жить!

Громкій смѣхъ надъ докторами,
При плесканьи полныхъ чашъ!
Вѣрьте мнѣ: Игея съ нами,
Самъ Ліэй цѣлитель нашъ!

Свѣтлый Мозель восхищенье
Изливаетъ въ нашу кровь.
Пейте жъ съ нимъ вы мукъ забвенья
И болтливую любовь!

Выпили? Еще! Веселье
Пышетъ розой по щекамъ,
И безпечное похмѣлье
Ужъ манитъ Эрота къ намъ.»

Какимъ же образомъ это стихотвореніе могло попасть въ «Сочиненія» Пушкина? Полагаемъ, что это могло случиться, какъ уже сказано въ «Библиографическихъ замѣткахъ о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига» («Отечественныя Записки» 1853 года, № 6, Смѣсь, стр. 153), слѣдующимъ образомъ: въ рукописяхъ Дельвига нашлось нѣсколько его стихотвореній, переписанныхъ на отдѣльныхъ листахъ рукою Пушкина; стихотвореніе же, о которомъ идетъ рѣчь, т. XLVII. Отд. III.

могло быть также переписано Пушкинымъ и, найденное въ такомъ видѣ въ его бумагахъ, могло быть приписано Пушкину.

Случалось также, что стихотворенія Пушкина приписывались другимъ поэтамъ, и въ томъ числѣ Дельвигу. Последнему приписывали сочиненную Пушкинымъ скоро по выпускѣ изъ лицея, «Элегію на кончину тетушки», панегирикъ весьма не понравившейся дядѣ поэта, Василю Львовичу. Дельвигъ, по просьбѣ Пушкина, принялъ эту шалость на себя, сказавъ, что онъ сочинилъ ее только отъ имени Пушкина, написалъ къ Василю Львовичу объяснительное письмо и такимъ образомъ возстановилъ миръ между дядею и племянникомъ. Не знаемъ, повѣрилъ ли вполнѣ этому объясненію Василій Львовичъ, но во всякомъ случаѣ Дельвигъ прослылъ авторомъ элегіи, ходившей тогда по рукамъ въ многочисленныхъ спискахъ⁽²⁶⁾. Она до сихъ поръ не напечатана, и потому представляемъ ее читателямъ:

Ахъ, тетушка! ахъ, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Ты къ матушкѣ была любовна,
Ты къ батюшкѣ была добра;
Тебя Матвѣй Михайлычъ кровный⁽²⁷⁾
Встрѣчалъ всегда среди двора;
Тебя Елисавета Львовна
Любила больше серебра!
Давно ли съ Ольгою Сергѣевной,⁽²⁸⁾
Со Львомъ Сергѣичемъ давно ль,⁽²⁹⁾
На зло самой судьбинѣ гнѣвной,
Дѣлила ты и хлѣбъ, и соль?
Но вотъ уже Василій Львовичъ
Стихами гробъ твой окропилъ!
Зачѣмъ стихи его.....
.....!

Несмотря, однакожь, на тѣсную дружбу съ Дельвигомъ, Пушкинъ, вообще довольно скрытный, не былъ совершенно откровененъ и съ Дельвигомъ даже въ своихъ литературныхъ дѣлахъ, какъ это доказывается его письмомъ къ М. П. Погодину, писаннымъ въ 1830 году изъ нижегородской деревни, при которомъ доставлено стихотвореніе «Герой».

Вотъ нѣсколько строкъ этого письма:

⁽²⁶⁾ Сообщено кн. Д. А. Э.

⁽²⁷⁾ Камергеръ Солнцевъ, мужъ сестры Василя Львовича, Елисаветы Львовны, о которой упоминается въ слѣдующихъ строкахъ.

⁽²⁸⁾ Сестра поэта.

⁽²⁹⁾ Братъ поэта.

«Посылаю вамъ изъ моего Патмоса апокалипсическую пѣснь. Напечатайте, гдѣ хотите, хоть въ «Вѣдомостяхъ», но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ ее, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моей рукой переписанную.»⁽³⁰⁾

По примѣру Пушкина, которому во всѣхъ мелочахъ старалось подражать молодое поколѣніе поэтовъ, весьма многіе изъ нихъ доставляли Дельвигу свои стихотворенія до напечатанія. Но Пушкинъ, Баратынскій и даже иногда Жуковскій, дѣлали это болѣе по дружбѣ къ Дельвигу, тогда какъ другіе поступали такимъ образомъ или изъ подражанія извѣстнымъ поэтамъ, или въ самомъ дѣлѣ нуждаясь въ его совѣтѣ. Дельвигъ дѣйствительно не былъ лишень изящнаго вкуса и нѣкоторой вѣрности сужденія, но и въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, былъ гораздо ниже своего авторитета, который ему доставленъ прежде всего дружбой и мнѣніемъ Пушкина. Убѣжденію въ вѣрности сужденій Дельвига отчасти способствовала нѣкоторая самостоятельность его взгляда, самостоятельность, всегда заслуживающая вниманія и особенно рѣкая въ то время, когда почти безусловная покорность чужимъ приговорамъ, почти безусловное поклоненіе литературнымъ авторитетамъ исключали всякое личное мнѣніе, не подчинявшееся общественному вкусу. Борьба мысли между отживающими дѣятелями и только что начинающими свое поприще, конечно, всегда существовала и всегда будетъ существовать, потому что, по закону постоянного развитія всего живущаго, понятія стараго и молодого поколѣнія рѣдко сходятся между собою, и литература, какъ отраженіе общественной жизни, всегда будетъ представлять эти явленія. Но никогда еще это разномысліе, это радикальное противорѣчіе всѣмъ наслѣдственнымъ и не имѣвшимъ болѣе разумнаго основанія литературнымъ понятіямъ, не было такъ сильно, какъ въ первые годы успѣховъ новоромантической школы. Въ этомъ-то плодотворномъ столкновеніи понятій, въ этомъ обновленіи литературныхъ идей и заключается одна изъ ея многочисленныхъ услугъ русской литературѣ. Представители и дѣятели этой школы, въ числѣ ихъ и Дельвигъ, проносили съ такою же независимостью взгляда свои сужденія и о современныхъ произведеніяхъ литературы. Не касаясь позднѣй-

⁽³⁰⁾ Стихотвореніе «Герой» напечатано въ «Телескопѣ» 1831 года (часть I, № 1, стр. 46) безъ имени автора. Въ собраніи «Сочиненій» Пушкина оно перепечатано въ IX томѣ (стр. 218—221), гдѣ помѣщенъ также приведенный отрывокъ изъ письма Пушкина. Въ «Русскомъ Историческомъ Альбомѣ», издаваемомъ въ 1853 году М. П. Погодинымъ, есть *fac-simile* первыхъ десяти строкъ этого стихотворенія (листъ 41).

